
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Пространственная картина эвенского нимкана «Чибдэвэл»: структура, семантика, символика

М. Т. Сатанар

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

Аннотация

В статье обсуждается роль пространственных элементов в сюжетостроении эвенского эпоса-нимкан, его мотивной организации в ракурсе динамики эпического пространства. Обращение к теме вызвано недостаточной изученностью эпоса эвенов. В работе применены семиотический, функциональный, структурно-семантический виды анализа. Автор устанавливает влияние семантики эпических локусов на событийную реализацию последующего сюжетного развития. В тексте наблюдаются напластования мифологических и исторических элементов, богатая символика, переплетения элементов архаической горизонтальной модели мира и шаманских космологических воззрений. Структурообразующей осью эпического пространства предстает образ мифической реки. Обозначаются контаминации мотивов.

Ключевые слова

эвенский нимкан, мифология, пространство, сюжетная линия, мотив, эпический локус, богатырское сватовство, семантика, символика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ им. М. К. Аммосова «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации».

Для цитирования

Сатанар М. Т. Пространственная картина эвенского нимкана «Чибдэвэл»: структура, семантика, символика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 124–135. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Spatial picture of Even nimkan “Chibdevel”: structure, semantics, and symbolism

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

This paper addresses the function of spatial elements in the plot structure of the Even epic, nimkan, with a focus on its motif organization. The motivic analysis involves identifying plot-forming motifs, analyzing their semantic content, describing their sequential integration into the plot line, and determining their functional roles within the syntagmatic structure of the nimkan text. The aim of the study was to implement a structural-semantic analysis of the plot-significant motifs of the tale “Chibdevel” within the context of the epic space dynamics. Semiotic, functional, structural, and semantic methodologies were employed, which included review, descriptive, and generalizing approaches. The author clarifies the impact of the epic location semantics on the event-focused execution of subsequent plot progressions. The motif of the hero’s origin is found to

© М. Т. Сатанар, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

function in a reduced form in the text, revealing its mythological basis. Attention is paid to the contaminations of the motif of the hero's origin and the motif of a heroic campaign commencement. Mythological and historical elements are layered, exhibiting the interplay of archaic horizontal world models and shamanic cosmological perspectives. The image of the mythical river constitutes the structural core of the epic universe. The image of the sea in the Upper World as the source of the mythical river is considered being associated with the concept of birth and feminine fecundity.

Keywords

even nimkan, mythology, space, storyline, motif, epic locus, heroic matchmaking, semantics, symbolism

Acknowledgements

The research was performed within the framework of the scientific research project of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov "Cultural universals and regional-local uniqueness of the Yakut epic tradition: interdisciplinary research, digitalization, technology of popularization."

For citation

Satanar M. T. Prostranstvennaya kartina evenskogo nimkana "Chibdevel": struktura, semantika, simvolika [Spatial picture of evens' nimkan "Chibdevel": structure, semantics, and symbolism]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 124–135. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Введение

Пространство служит основополагающей «онтологической» категорией, определяющей мировосприятие человека. При этом «в известной мере действительно парадоксальное в пространстве созерцания то, что оно является пространством в сознании» [Топоров 2010: 318]. Последнее затрагивает проблему соотношения текста и человеческого познания, продолжающую оставаться в эпосоведении актуальной. Известно также, что в фокусе современных ракурсов исследований фольклора «оказывается не текст в качестве "имманентной структуры", а предтекстовые формы, интертекстуальные и контекстные отношения» [Неклюдов 2006: 126]. В таком свете вызывает интерес эпическая картина мира эвенов, с одной стороны, как ментальный конструкт, отражающий особенности национального мышления, а с другой, как маршрут пространственного перемещения героя, очерчивающий сюжетную линию нимкана. Пространство эпоса «должно быть определенным образом напряжено, поляризовано противопоставлением своего и чужого, определяющим развитие сюжета» [Неклюдов 2015: 111]. Само перемещение (движение) реализуется «через серию мотивов», внутри которых также «заложены возможности динамического развития» [Путилов 1975: 144]. Итак, динамическая компонента текста предстает способом научного анализа в данной работе, позволяющим выявить семантические и структурные связи путем применения структурно-семиотической методологии в исследовании. Работа опирается на труды Б. Н. Путилова [Путилов 1975], В. Н. Топорова [Топоров 2010], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2015], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 2018] и др., в которых отмечаются как сюжетно значимые элементы фольклорного текста, так и сюжетообразующая роль пространственных отношений. Применительно к якутскому эпосу пространственная картина мира олонхо изучена Л. Н. Семеновой через призму соотношений сюжета и пространственных описаний посредством выделения эпических локусов и сюжетно значимых мотивов текста [Семенова 2006]. Пространственные особенности в героических сказаниях эвенов и эвенков частично рассмотрены в трудах Ж. К. Лебедевой [1981], А. Н. Мыреевой [1990], А. А. Бурыкина [2018], М. П. Яковлевой [2014], Г. Н. Варавиной [2019] и др. Отмечается, что мифопоэтическая модель мира нимкана трехчастна, миры одухотворены и соединены «отверстиями» [Лебедева 1981: 21], модель Верхнего мира, в пространстве которого разворачиваются «мужские игрища», имеет ритуально-мифологические основы [Лебедева 1986: 52–53], элементы космогонической мифологии отсутствуют «либо присутствуют как явные инновации» [Бурыкин 2017: 25], зачин оформляется традиционными формулами описаний ландшафта, одиночества эпического героя, не знающего своего происхождения [Лебедева 1981: 23] и т. д. При этом исследователи-тунгусоведы отмечают, что «эпос эвенов, в отличие от эпоса эвенков, исследован мало» [Дьяконова 2017: 48], что сложной проблемой остается вопрос изучения сюжетов, мотивов, типов героев сказаний, «характера изображения внешнего мира в эпосе» [Бурыкин 2016: 34].

Материалом исследования выбрано эпическое сказание «Чибдэвэл», признанное одним из лучших образцов эвенских нимканов «по характеру повествования, содержанию и поэтике»

[Шарина 2021: 12]. Важным критерием послужило наличие русского перевода, осуществленного Н. П. Ткачиком и оцениваемое как «совершенное» [Там же]. Текст сказания «Чибдэвэл» был издан в 1986 г. в книге «Эпос охотских эвенов» под редакцией В. Д. Лебедева, с вводной статьей и примечаниями Ж. К. Лебедевой [ЭОЭ], в которых отмечается выраженность в тексте эпического историзма, наличие в языковой текстуре следов этногенетических связей тунгусских и монгольских племен, подчеркивается этнографическая ценность произведения [Там же: 6, 8].

Целью настоящей работы является реализация структурно-семантического анализа сюжетно значимых мотивов сказания «Чибдэвэл» в ракурсе динамики эпического пространства. Логика последующего анализа руководствуется тезисами: «развитие сюжета определяется активностью главного героя» [Неклюдов 2015: 128], представляющего суммой пространственных элементов (локусов, стран), соотносимых с действиями главного героя эпоса (происхождение героя, отправление в путь, попадание в другое пространство, победа над противником и добывание женщины, сватовство, возвращение в свою страну) [Семенова 2006: 26]. Указанные мотивы являются сюжетообразующими в эпосе олонхо [Там же], их можно экстраполировать и на тексты архаического эпоса эвенов.

Сюжетообразующие возможности локусов эпического пространства и их соотношение с мотивами сюжета

Главная сюжетная тема нимкана «Чибдэвэл» – богатырское сватовство, композиционно построенное на пяти эпизодах [ЭОЭ: 285–286]. Текст разбит В. Д. Лебедевым на 42 смысловых блока согласно принципам подготовки изданий серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока». Нимкан излагается в прозаической и стихотворной форме [Лебедева 1981: 89].

Мотив происхождения эпического героя, отправления в поход. Эпос начинается с завязки сюжета, оформляемой мотивом похищения жены героя [Там же: 285]. Именно исчезновение жены становится причиной (мотивировкой) выхода Чибдэвэла за пределы «своего, освоенного сакрального пространства». Вместе с тем, на наш взгляд, в тексте эпоса наличествует и зачин, композиционная автономность которого выделена В. Д. Лебедевым в виде первого блока эпоса: *Жил один человек. Жил только вдвоем с женой: детей у них не было, никого не было. Этот человек все время охотился. Однажды на охоте он убил трех оленей. Вечером, когда он вернулся с охоты, поднялся густой туман* [ЭОЭ: 147]. Начальной фазой зачина предстает репрезентация героя посредством актуализации его одиночества, незнания тайны своего происхождения. Известно, что «одиноким, никогда не видевшим других людей, кроме своей жены, изображается и Анчи-Абышка» [Мелетинский 2018: 367], герой шорской героической сказки. Такие отрывочные сообщения об «одиноким герое» могут имплицировать «утраченный первоначальный смысл образа» [Там же], а именно сообщение об одиноким первопредке-герое, деяния которого синхронизируются с мифологической эпохой первотворения. Кроме этого, «объяснение одиночества удаленностью от других людей также есть результат забвения первоначального смысла» [Там же: 370]. С этих позиций, на первый взгляд, противоречивым предстает эпизод встречи героя с отцом и родной сестрой при дальнейшем развитии сюжета [ЭОЭ: 156–157, 285]. Однако именно такие противоречивые сведения об «одиноким герое», а также наличие сестры у героя, указывают, по мнению Е. М. Мелетинского, на функционирование более древнего пласта в образе главного героя [Мелетинский 2018: 366–367]. Дополним, что и этимология имени сестры героя – Мэнгунь¹ – указывает на ее мифологические черты (связь с Верхним миром).

В пространственном отношении локальным оформлением мотива происхождения героя является пространство Среднего мира (так как мотив «спускания» из Верхнего мира в Средний мир является более поздней формацией). Сказанное можно подкрепить выводами ученых: «Горизонтальное положение пространственных представлений о Вселенной предшествовало исторически вертикальному делению Вселенной на Верхний, Средний и Нижний миры» [Анисимов 1959: 84]; «Образ богатыря-первопредка зародился еще в фольклоре доклассового общества, в своей исходной форме он древнее не только высших богов ... дуалистической мифологии, но и развитого шаманизма» [Мелетинский 2018: 378].

Известно, что целью зачина является «представление хронотопа последующих событий и самого героя» [Неклюдов 2010: 185]. Финальная фаза зачина наблюдается во втором блоке в виде

¹ От слова *мэнун* ‘серебро’, то есть «Серебряная» [ЭОЭ: 282].

репрезентации эпического пространства: *На следующий день он послал жену за мясом убитых оленей. Когда жена уехала, пошел снег. Снег шел весь день и выпал до половины деревьев. Жена в этот день не пришла. А когда настал следующий день, юрты не стало видно – снег покрыл ее* [ЭОЭ: 147]. Как видно, редуцированное описание эпического мира реализуется разворачиванием горизонтальной, а далее и вертикальной структур пространства. В описании ощутим намерение на присутствие точки отсчета – юрты, представляющей пространственным центром мироздания эпоса и отражающей модель космоса [Сатанар 2021: 105]. Центр формируется указанием на «динамические составляющие» описаний горизонтальных перемещений посредством глаголов с семантикой «вернулся», «послал», «уехала». Использование в тексте приема «перечислений опасностей», а именно «выпадение снега до половины деревьев», а далее и полное покрытие юрты, указывает на своеобразное введение оппозиции «верх / низ», одновременно изображающей и увеличение «степени нарушения» пространственных локусов с «конфликтотворяющей» семантикой – деревьев, юрты. Здесь само состояние нарушения границы сакрального пространства реализуется с помощью метеорологического кода – снегопада. Так, устойчивость эпического космоса начинает разрушаться угрозой хаоса, и герой оказывается на стыке противоположных сил, надвигающихся друг на друга. Заметим, начальное вторжение в освоенное пространство героя фиксируется уже в первом блоке текста, в виде «поднимания густого тумана», имплицитно несущего негативные коннотации². В целом мотиву отправления героя в путь предшествует ситуация вторжения в его сакральное пространство, а исчезновение жены, которая удалена в пространстве от героя, неминуемо предопределяет попадание Чибдэвэла в другую страну.

Мотив пути. Перемещение героя в другие миры детализируется при его контакте с пространственными элементами [Семенова 2006: 119]. Как правило, само перемещение от локуса к локусу не является предметом прямого повествования. Характер (скорость) и семантика движения понимаются в контексте содержания эпических формул. Так, во всем тексте описание движения (пути) героя встречается лишь один раз в виде краткой формулы, имплицитно несущей скорость движения: *Шел он с быстротой пущенной стрелы и летящей птицы. Из-за быстрого движения он ничего не видел* [ЭОЭ: 158]. Применение в формуле образов стрелы и птицы не создают представления, о какой периферийной зоне пространства идет речь, понимается лишь удаление героя за пределы «своей страны». Длительность пути не описывается и излагается просто: *Ушел далеко* [Там же]. В остальных случаях путь героя описывают мотивы встреч с разными персонажами, которые будут рассматриваться ниже.

Мотив переправы. Локусом, фиксирующим вход в Верхний мир, служит отверстие в небе: *Вдруг поднялся сильный ветер и полил ливень. А орел летит все выше и выше. В небе показалось отверстие для выхода. Как только он заглянул эту дыру, он увидел и того летящего к ней человека тоже в облике птицы. Хэлэргун настиг его и схватил. ... Птице он голову отсек. Она упала вниз. Хэлэргун полетел вверх и через отверстие в небе вышел* [Там же: 162]. В традиционном мировоззрении эвенов отверстием для попадания в Верхний мир считалась Полярная звезда или Утренняя звезда видимого неба [Варавина 2021: 426]. Встреча Хэлэргуна с человеком у входа в Верхний мир, а далее и его одоление предстает неким препятствием, манифестирующим труднопроходимость границы между Средним и Верхним мирами. В 24 блоке сказания препятствием при входе в Верхний мир выступает море, служащее пространственной границей между мирами. Так, в нимкане повествуется: *Сколько времени шел – неизвестно, только скоро достиг моря. У самого берега Чибдэвэл остановился. Оглянулся вокруг – ничего не видно. Позже заметил на берегу моря один единственный холмик. Чибдэвэл задумался: откуда появился один единственный холм? Осмотрев холм, увидел, что на нем место мужской игры в прыжки* [ЭОЭ: 158]. В научной литературе отмечается, что «Верхний мир не имеет подробного описания, ... это место ритуальных игр эпических богатырей» [ИИКЭ: 138]. В дальнейшем развитии мотива появляется целый спектр символов, имплицитно несущих в текст благоприятную семантику пространства Верхнего мира: *Вдруг далеко в море показалась лодка... Он увидел в ней троих: двух женщин и мужчину. Мужчина греб веслами. Лодка его – серебряная, весла – тоже. ... Подплыли к холму. От самой лодки до холма женщины проложили серебряный мостик. И побежали по*

² Образ тумана выступает семантическим маркером надвигающейся опасности, находящим параллели со свойствами невидимости и темноты Нижнего мира; «Там солнце не светит, небо как туман» [Линден-нау 1983: 68].

серебряному мостику. У холма дверь сама отворилась. И женщины мгновенно скрылись за нею [ЭОЭ: 159]. Здесь маркерами Верхнего мира предстают: числительное три как важный параметр вертикальной модели мира; серебро как металлический код³, развивающий коннотации «божественного начала»; мостик (вариант: лестница) как символ соединения с небом. «Вершина мифической реки, отождествляемая с Верхним миром, у эвенков мыслилась местом обитания родовых душ *оми* (у эвенков так же⁴ – М. С.), дающих начало рождению» [Варавина 2021: 436]. В таком случае, холм с дверью как аналог горной пещеры олицетворяет собой женское начало, при этом образ лодки непременно связывается с водной стихией. Далее герой узнает от мужчины, что на том берегу моря его друг Хулину сражается с Хэлэргуном. Чибдэвэл просит скорее доставить его туда, и здесь усложнением преграды предстает мотив ломки весел [ЭОЭ: 159]. Герой переплывает море, гребя руками в три размаха. Такой способ не случаен: и движение руками, и числительное *три* содержат в себе семантику локуса (море)⁵. Так, преодоление препятствия обозначает попадание героя в другое пространство. Здесь уместно высказывание: «Мифологическое мышление сохранило архетип водной стихии как магическую границу между мирами, как рубеж между жизнью, смертью и бессмертием» [Варавина 2019: 125].

Вместе с тем в тексте фиксируется еще один несанкционированный вход-выход [Семенова 2006: 53]. Самый мелкий локус сакрального центра – очаг жилища Чибдэвэла – предстает неким порталом-границей между мирами, соединяющим их: *Однажды вечером, находясь в юрте, он услышал из-под земли человеческий голос: ... Хулину показался из огня и через дымовое отверстие вошел* [ЭОЭ: 167]. Всего в нимкане проникновение персонажей через дымоход реализуется пять раз (33–36 блоки), в фрагментах их гонки друг за другом, и один раз (17 блок) в огонь очага сверху падает отрубленная голова (см. выше – отсеченная Хэлэргуном у входа в Верхний мир). И нарушение границы между мирами традиционно сопровождается метеорологическим кодом. Характерно, что входом пользуются как друзья героя (Хулину, Нюрани, Хэлэргун), так и антагонисты (небесные богатыри).

Данный локус выполняет медиативную функцию, оказываясь наиболее уязвимым участком границы между мирами, не усложненным различного рода препятствиями. Далее, по замечанию Ж. К. Лебедевой, «вход через дымовое отверстие» является историческим элементом в ткани эпоса: «Это согласуется с постройкой жилища. В середине XVIII в. Я. Линденау видел у ламутов зимник – *утэн*, заваленный землей, с плоским верхом и входом через дымовое отверстие» [Там же: 284]. Но вместе с тем, согласно мифологической традиции, «чисто мифические прасобытия затем многократно ... мыслятся образчиками, к которым “подгоняются” действительные эмпирические события, происходящие или могущие произойти в будущем. ... Исторические события затем укладываются в прокрустово ложе готовой мифологической структуры» [Мелетинский 2000: 177]. Следовательно, в мотиве возможно функционирование двух пластов – мифологического и исторического.

Итак, способами переправы (перехода), определяемыми семантической спецификой эпических локусов, отмечены перелет через отверстие, пересечение моря на лодке с помощью перевозчика, мгновенное попадание через огонь. Конечной составляющей мотива является попадание в дальнейшем в другое пространство.

Мотив пребывания в ином пространстве и добывания женщины. Герой возвращается в свое пространство из богатырского похода всего три раза. При этом уже в седьмом блоке сказания герой одолевает врага и освобождает свою украденную жену из рук похитителя. В завершение третьего похода, в результате прохождения героем ряда испытаний, его друг Нюрани отдает в жены Чибдэвэлу свою сестру [ЭОЭ: 166]. Ж. К. Лебедева считает, что в этом отражается реальный обычай эвенков – ранние межродовые отношения, когда «званому гостю отдается в качестве памятного дара самая младшая женщина» [Там же: 284]. В событийном же плане в этих мотивах изобилуют описания подвигов Чибдэвэла. Так, движение героя по иным мирам устойчиво

³ Металлический код оформляется с помощью противопоставления «серебро / железо», соответствующего отношению оппозиции «Верхний мир / Нижний мир».

⁴ См.: [Бурыкин 2007: 221].

⁵ В мифологии эвенков человек произошел от дерева. В действии замены весел руками наблюдается фрагмент антропоморфической метафоры в виде уподобления рук ветвям дерева. Число *три* актуализирует мужское начало.

сопрягается со схватками с их обитателями, при разворачивании которых раскрывается семантика этих враждебных пространств. Схема боев идентична в любом из этих пространств: Чибдэвэл раз за разом побеждает врагов, отрубает им головы и вешает их на верхушки сухих деревьев, что символизирует исторический элемент, древнюю воинскую традицию [Там же: 282]. «Это было равнозначно развеиванию пепла сожженного тела врага, т. е. полному его уничтожению», – уточняет Ж. К. Лебедева [Там же: 75]. В сюжетной линии герою лишь один раз не удастся полностью умертвить врага, отрубив мечом падающую в огонь очага человеческую голову (17 блок, см. выше), что и становится причиной его оживления. В дальнейшем развитии сюжета возвращение врага (Хэлэргуна), а далее вступление героя в бой с ним, мотив пощады героем Хэлэргуна, заступившегося за другого человека, побег последнего, мотив гонки Хэлэргуна за убегающим порождают целую цепь последующих событий.

В пространственном плане наиболее частым локусом, наблюдающимся во всех трех мирах эпоса, предстает юрта (вариант: юртовище, полуконусная юрта, железная изба). Семантика юрты как локуса априори коррелирует с семантикой ее обитателей, с которыми герой встречается в пути. К примеру: *Хэлэргун полетел вверх и через отверстие в небе вышел. Выйдя через это отверстие, вверх полетел и в пути увидел полуконусную юрту. Возле нее стояли два боевых дерева* [Там же: 162]. Чибдэвэл, превратившись в сокола, следует за ним. Здесь живет молодая женщина, которая обманным путем заманивает Чибдэвэла в юрту и сбрасывает его в яму. Интересным представляется фиксирование ямы, находящейся под землей Верхнего мира. С одной стороны, это отражает особенности мироздания эвенов: «Неизвестные миры легко конструируются до некоторой степени по аналогии со средним миром» [Лебедева 1981: 22]. С другой стороны, здесь, возможно, просматриваются фрагменты формирующейся многоярусной структуры Верхнего мира мироздания. Герой, попадая туда, по существу, должен был отличить ложное пространство от истинного, в чем заключается главное содержание мотива. Однако Чибдэвэл, несмотря на неблагоприятную символику полуконусной юрты (с точки зрения эпической модели мира форма усеченного конуса вызывает ассоциации с формой Нижнего мира [Сатанар 2021: 105])⁶, попадает на уловку женщины. В пространственном отношении это место является промежуточным (в движении «снизу → вверх») и характеризуется ситуацией присутствия примет благоприятного и враждебного миров в бессистемном виде. Так, появление молодой девушки на пути Чибдэвэла становится признаком сгущающегося пространства антагониста (куда Чибдэвэл и держит путь). Дополним, что в мотиве пребывания в другом пространстве вертикальную версию пространства реализуют не только отверстие в небе, но и образы двух боевых деревьев⁷ [ЭОЭ: 162], предстающие эквивалентом мирового дерева [ИИКЭ: 138].

Рассмотрим фрагмент речи друга героя – Хулину, описывающего место, находящееся в северном направлении: *Вот здесь в низовье по обе стороны реки будет стойбище. На одной стороне реки будет сорок юрт, на другой – сорок. На этой стороне два их грозных начальника будут. ... И на той стороне тоже два начальника есть. ... Все равно нам во что бы то ни стало с этими людьми придется сражаться* [ЭОЭ: 151]. Как видно, «люди в Нижнем мире занимаются тем же, чем и в Среднем мире: охотятся, пасут оленей» [Бурыкин 2007: 255]. Важно, что в пространственной ориентации эвенов низовье реки, представляющее северную сторону, связывается с Нижним миром: «В архаических горизонтальных моделях мира есть река – соединяющий миры движитель, ... мир мертвых располагается не только внизу по течению реки, но и в пространстве, со снижением уровня по горизонтали» [Там же: 294]; «В горизонтальном членении мира у эвенов и эвенков Нижний мир ассоциировался с севером и западом» [Варавина 2019: 25]. Актуализация количества юрт создает конфликтную ситуацию посредством усиления смысловой отрицательной нагрузки удесятенного варианта числительного *четыре*⁸. Пребывание героя на стороне севера отмечается в тексте два раза. Во второй раз оформляющим пространство локусом выступает железная юрта (см. ниже).

⁶ Коническую форму мироздания можно принять как инвариант-архетип в контексте общей типологии культуры [Сатанар 2020: 12].

⁷ Здесь числительное отражает чисто количественный признак предмета, а именно то, что молодая женщина является сестрой двух небесных богатырей.

⁸ Символика чисел *три* и *четыре* связана с оппозицией «живое» / «мертвое». У эвенов тема смерти устойчиво связывается с числами *два* и *четыре* [Василевич 1969: 241, 212].

Отрицательную семантику пространств, кроме указанных выше дополнительных символик юрт, эксплицируют также атрибуты антагонистов, например, при прибытии в Верхний или в Нижний мир: *Смотрит, а на берегу человек, одетый в железные доспехи, рубится с другим человеком* [ЭОЭ: 160]; *Когда Хулину взгляделся, то увидел орла с четырьмя двойными крыльями, с двумя двойными головами, с четырьмя двойными когтями, с перьями из кованых железных пластин* [Там же: 171]; *Хулину вошел в железный дом. И видит: в одной железной люльке лежит ребенок с железными волосами* [Там же: 172]. Как видно, символика (металлическая и количественная), сопровождающая описание персонажа, позиционирует конфликтный локус (равнину) другого пространства. Семантику могут позиционировать также сами характеристики пространства: *На севере, среди ночи, все время огонь вспыхивает и слышатся раскаты грома. Он пришел на равнину* [Там же]. Здесь под выражением «среди ночи» в свернутом виде подразумеваются коннотации с негативным пространством, с использованием природно-климатического кода, к которому также примыкает и метеорологический код⁹. Очевидно, что равнина служит пространством боя, однако далее локус не детализируется.

Итак, в композиционном плане этот мотив занимает самую большую часть сказания. Конечная составляющая мотива боя (как основного мотива разворачивания семантик враждебных пространств) в виде устойчивой формулы «отрубил голову и повесил на верхушку дерева», употребляемой в значениях как «полностью уничтожил врага», так и «воевал», на наш взгляд, отражает важное смыслообразующее значение фундаментальных антиномий «жизнь» / «смерть». Если создание семьи, творимое в Среднем мире, направлено на поддержание счастья и в целом жизни, то уничтожение врага, творимое героем в Нижнем мире, нацелено на прерывание жизни. Заметим, отмеченное также является частью архаичного военного ритуала эвенов [Лебедева 1981: 75].

Мотив богатырского сватовства. Еще раз подчеркнем, что вся сюжетная линия эпоса связана со стремлением героя найти жену, в ходе поиска которой он вступает в бой с врагами. Его выход за пределы своей страны отмечается в тексте два раза, в обоих случаях он обусловлен пространственной удаленностью: в начале – жены, а далее – невесты. Формой богатырского сватовства является также испытание героя в виде состязаний [Лебедева 1982: 59].

Мотив брачного испытания присутствует в двух местах (23 и 39 блоки), причем испытываемыми предстают сперва Чибдэвэл, а затем Хэлэргун. Локусом, реализующим этот мотив, в первом случае выступает место за холмом у берега моря, в Верхнем мире [ЭОЭ: 158]. Известно, что местом проведения «мужских игрищ» является Верхний или Средний мир [Лебедева 1982: 57]. И хотя в состязаниях в прыжки отсутствует соперник (герой прыгает на одной ноге по следам человека), можно предположить, что следы принадлежат потенциальному претенденту в женихи, с кем далее герой и вступает в схватку. При этом сообщение о том, что «следы эти оказались малыми» [ЭОЭ: 158], уже содержит намеки на победу Чибдэвэла в состязании, а значит, предопределяет будущий исход событий. Во втором случае локусом, реализующим мотив брачного испытания Хэлэргуна, предстает место в пространстве Среднего мира: *Богатыри побежали. Хэлэргун стал догоняющим, а Нивсанды – убегающим* [Там же: 170]. При последующем развитии событий становится понятным, что богатыри являлись претендентами в мужа второй сестре Нюрани. В кульминационном моменте сватовства (в бое) победу одерживает Хэлэргун.

Что касается брачного испытания (а в зачине жена героя уже заявлена), то «в эвенской эпике преобладают тексты с богатырскими сражениями после женитьбы героя» [Лебедева 1982: 59]. В таком случае в последующей событийной канве текста «эпический герой сражается с претендентами, которых он опередил» [Там же: 60]. В контексте вышесказанного весь текст нимкана можно условно разделить на две части: в первой (1–22 блоки) перемещение героя по эпическому пространству вызывается поисками жены; во второй (23–42 блоки) – добыванием второй жены, отражающим новую веху богатырской жизни героя.

Привлекает внимание и другой мотив испытания, который также важен в сюжетосложении нимкана. Речь идет о «мотиве испытания судьбы по пущенной стреле» [ЭОЭ: 281]. Судя по содержанию, этот мотив сопряжен с мотивом обретения верного друга (Хулину). Уже в третьем

⁹ В тексте коды, задаваемые «бинарными оппозициями», выполняют роль важных звеньев механизма памяти, сохраняя и передавая информацию. К примеру, природно-климатический код оформляется посредством оппозиции «светлая страна» / «темная страна» и т. д.

блоке эпоса в событийной канве появляется образ лиса (этиологическое превращение Хулину, восходящее к тотемистическим представлениям), который также ищет свою украденную жену. Похитителем жен оказывается один человек – Гэлтээни. Объединившись, герои убивают соперника и возвращают своих жен. А далее они состязаются в стрельбе из лука: *Чибдэвэл выстрелил в оленей... Далеко пролетела стрела: от одного конца пастбища до другого пробила ряд оленей, образовав просеку. – Ну, теперь я попробую выстрелить... Он выстрелил, и стрела пролетела от одного конца пастбища до другого, образовав просеку* [Там же: 150]. Стрельба богатырей из лука в оленей, а затем описание образования просек предстают важным источником для раскрытия мотива испытания. Богатыри оказываются равными в силе и мастерстве владения оружием. Однако известно и то, что стрельба является символическим действием, стрела служит метафорой мужского плодородного начала, и в таком свете им, по всей вероятности, судьбой уготовано быть предводителями своих родов путем преодоления преград, где попадание в цель становится оригинальным выражением их готовности к женитьбе и одновременно символизирующим дружбу равных богатырей. Отмеченный выше новый этап богатырской жизни Чибдэвэла инициируется именно ситуацией попадания Хулину в беду, о чем сообщает сестра героя: *Хулину Хэлэргун убивает, кэньгэлэр. Услыхав это, Чибдэвэл быстро вскочил. ... Не спрашивая у сестры своей, куда идти, он вышел* [Там же: 157]. Таким образом, функциональным назначением мотива является отметка повторной отправки Чибдэвэла в богатырский поход, в ходе которого он добывает невесту.

Мотив возвращения в родную страну. В пространственном перемещении героя мотив отражает реализацию движения из периферии в центр, который в нимкане описывается без детализаций: *Чибдэвэл пошел на свою родину, взяв с собой двух женицин* [Там же: 166]. В заключении повествуется: *Нюрани отдал в жены Хэлэргуну вторую свою сестру. Чибдэвэл отдал Нюрани свою старшую сестру Мэнгунь. Стали жить они одним племенем* [Там же: 173]. Композиционно создание семей представляет собой возврат к первоначальному состоянию (в свое пространство), которое было нарушено в завязке повествования. И хотя в тексте пространство, в котором происходят эти события, никак не выражено, можно его реконструировать, анализируя семантику действия «объединения воедино трех родов». Последнее означает, что новый обновленный миропорядок уже не прежний (как в начале эпоса), а еще лучше, с обретением большего благополучия и счастья, крепких родственных отношений, единого сильного рода.

Заключение

Сюжетообразующие мотивы нимкана соотносятся с формирующими их пространственными элементами. Вместе с тем семантика локуса определяет событийную реализацию (содержание) дальнейших сюжетных поворотов. Так, мотив похищения жены указывает на неизбежность отправления героя в другие страны; ситуация «попрания» границ личного пространства «извне → вовнутрь» обозначает выход героя за пределы освоенного пространства, причем «посягательство» на юрту (конечная грань между оппозициями «свой» / «чужой») отражает крайний случай агрессии; приближение героя к переправе подразумевает дальнейшее попадание в другое пространство; появление серебряной лодки и мостика до холма предвосхищает встречу с будущей женой; семантика моря в качестве входа в другой мир подсказывает «переправу»; семантика локуса «холм» в статическом описании подразумевает место ритуальных мужских игр в общем контексте брачных состязаний, в динамике же предопределяет реализацию событийной цепи мотивов схваток с потенциальными конкурентами героя; ситуация раскола мечом падающей в огонь очага человеческой головы означает неминуемость оживления поверженного антагониста, при котором последующие действия последнего порождают целую цепь событий; фиксирование героя рядом с полуконусной юртой предполагает приближение сгущающегося враждебного пространства, надвигающегося конфликта с врагами; мотив брачного испытания отмечает будущую женитьбу выигравшего богатыря; исход мотива испытания между друзьями подталкивает на дальнейшее развитие серии мотивов взаимопомощи и взаимовыручки друзей, а далее и объединение родов богатырей; мотив схватки с противником предопределяет возвращение героя в родную страну с победой. Важно заметить, что начало сюжетной динамики нимкана закладывается уже в зачине, где дается статическое описание эпического пространства. Мотив происхождения героя наблюдается в редуцированном виде, где появление героя связано с другими мотивами, относящимися к мифологическому и историческому пластам. Это мотив

несанкционированного входа-выхода в другие миры, а также мотив победы над врагом. Своеобразная «доступность» Верхнего мира для людей Среднего мира, с одной стороны, и прибытие героя в Нижний мир по нижнему течению реки, с другой, свидетельствуют о сохранении элементов древних «дошаманских» представлений эвенков. Образ моря в Верхнем мире в качестве истока мифической реки ассоциируется с темой рождения, плодородным женским началом. Вместе с тем наличие промежуточного пространства между Средним и Верхним, Средним и Нижним мирами может манифестировать фрагменты многоярусного строения Верхнего и Нижнего миров более поздней исторической формации – шаманской космологии. В финальном блоке повествования невыраженный элемент пространства эксплицируется при помощи анализа семантики мотива объединения трех родов, который позволяет распознать обновленное моделирование эпического пространства.

Список литературы

- Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера / Отв. ред. С. В. Иванов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 108 с.
- Бурыкин А. А. Вера в духов: Сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 328 с.
- Бурыкин А. А. К проблематике исследования якутско-тунгусских взаимосвязей в эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 22–30.
- Бурыкин А. А. Мифологические экспозиции эпических сказаний эвенков и эвенков и их роль для изучения тунгусской космогонической мифологии и для характеристики этнических и локальных традиций // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2017. № 2 (06). С. 17–26.
- Бурыкин А. А. Фольклор коренных народов Севера: осмысление наследия, задачи и перспективы изучения // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 28–42.
- Варавина Г. Н. Календарная культура эвенков: ментальная картина и ритуально-мифологический практикум (в рамках геопространственной теории) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4 (29). С. 22–35.
- Варавина Г. Н. Мироззренческие и шаманские традиции в эвенкийском фольклоре // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации: материалы Международной НПК, посвященной 80-летию доктора филологических наук Алексеева Ивана Егоровича – Хомус Уйбаан (Якутск, 23 апреля 2021 г.). Якутск: Изд-во СВФУ им. М. К. Аммосова, 2021. С. 423–438.
- Василевич Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–XX вв.). Л.: Наука, 1969. 303 с.
- Дьяконова М. П. Мифологическая эпоха в героических сказаниях эвенков и эвенков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 45–51.
- ИИКЭ – История и культура эвенков: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 1997. 179 с.
- Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенков. Новосибирск: Наука, 1981. 158 с.
- Лебедева Ж. К. О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. М. Гацак. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 1986. 334 с.
- Лебедева Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 112 с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1983. 176 с.
- Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика: избранные статьи, воспоминания / Отв. ред. Е. С. Новик. М.: РГГУ, 2018. 695 с.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Ред. Е. С. Новик. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
- Мыреева А. Н. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. М.: РГГУ, 2010. С. 185–198.

Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 212 с.

Неклюдов С. Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. 2006. № 2. С. 121–127.

Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141–155.

Сатанар М. Т. Об эпической модели мира олонхо в якутской культуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 2 (Вып. 42). С. 102–110.

Сатанар М. Т. Эпическая модель мира в якутском олонхо: структура и семантика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Знак, 2020. 18 с.

Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 232 с.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. С. 318–381.

Шарина С. И. Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23.

ЭОЭ – Эпос охотских эвенов / Отв. ред. В. Д. Лебедев. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1986. 303 с.

Яковлева М. П. Традиционный зачин в сказаниях эвенков и эпосе калмыков // Материалы Международной НПК «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения профессора В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2014. С. 513–516.

References

Anisimov A. F. *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [*Cosmological ideas of the peoples of the North*]. Moscow, Leningrad, Izd. Akademii nauk SSSR, 1959, 108 p. (In Russian)

Burykin A. A. Fol'klor korennykh narodov Severa: osmyslenie naslediya, zadachi i perspektivy izucheniya [Folklore of the Indigenous Peoples of the North: understanding the heritage, tasks and prospects of study]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [*Arctic XXI Century. Humanitarian sciences*]. 2016, no. 3 (9), pp. 28–42. (In Russian)

Burykin A. A. K problematike issledovaniya yakutsko-tungusskikh vzaimosvyazey v epose [To the problematics of the research of Yakut-Tungus interrelations in the epic]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [*Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*]. 2018, no. 2 (10), pp. 22–30. (In Russian)

Burykin A. A. Mifologicheskie ekspozitsii epicheskikh skazaniy evenkov i evenov i ikh rol' dlya izucheniya tungusskoy kosmogonicheskoy mifologii i dlya kharakteristiki etnicheskikh i lokal'nykh traditsiy [Mythological expositions of epic tales of the Evenks and Evens and their role in the study of Tungus cosmogonic mythology and in the characterization of ethnic and local traditions]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [*Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*]. 2017, no. 2 (06), pp. 17–26. (In Russian)

Burykin A. A. *Vera v dukhov: skol'ko dush u cheloveka* [*Faith in spirits: the number of souls a person possesses*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007, 320 p. (In Russian)

Epos okhotskikh evenov [*Epic of the Okhotsk Evens*]. Yakutsk, 1986, Yakut. kn. izd., 303 p. (In Even and Russian)

D'yakonova M. P. Mifologicheskaya epokha v geroicheskikh skazaniyakh evenkov i evenov [Mythological era in the heroic tales of the Evenks and Evens]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki* [*Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*]. 2017, vol. 11, no. 3, pp. 45–51. (In Russian)

Istoriya i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki [*History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays*]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 179 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [*Archaic epic of the Evens*]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 158 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Epicheskie pamyatniki narodov Kraynego Severa* [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 112 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. O zhanroobrazovanii v arkhaiskom epose narodnostey Kraynego Severa [On the formation of genres in the archaic epic of the peoples of the Far North]. In *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East]. Gorno-Altaysk, Institut altaistiki im. S. S. Surazakova, 1986, 334 p. (In Russian)

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 v.): istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, Magadanskoe kn. izd., 1983, 176 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. *Mifi istoricheskaya poetika: izbrannye stat'i, vospominaniya* [Myth and historical poetics: selected articles, memories]. Moscow, RSUH, 2018, 695 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Vost. lit., 2000, 407 p. (In Russian)

Myreeva A. N. *Evenkiyskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic tales]. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 81–82. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Fol'klor i ego issledovaniya: vek dvadtsatyy [Folklore and its studies: the twentieth century]. *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture]. 2006, no. 2, pp. 121–127. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Morfologiya i semantika epicheskogo zachina v fol'klore mongol'skikh narodov [Morphology and semantics of the epic beginning in the folklore of the Mongolian peoples]. In *Kitay i okrestnosti: mifologiya, fol'klor, literatura* [China and its environs: mythology, folklore, literature]. Moscow, RSUH, 2010, pp. 185–198. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of epic narrative: space and time]. Moscow, Forum, 2015, 212 p. (In Russian)

Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchiy element [Motive as a plot-forming element]. In *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru* [Typological studies of folklore]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 141–155. (In Russian)

Satanar M. T. *Epicheskaya model' mira v yakutskom olonkho: struktura i semantika* [Epic model of the world in the Yakut olonkho: structure and semantics]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Maykop, Znak, 2020, 18 p. (In Russian)

Satanar M. T. Ob epicheskoy modeli mira olonkho v yakutskoy kul'ture [About the epic model of the olonkho world in Yakut culture]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 102–110. (In Russian)

Semenova L. N. *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of olonkho: spatial organization and plot]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 232 p. (In Russian)

Sharina S. I. Epicheskaya traditsiya evenov: sbor, lokal'naya spetsifika, kharakternye cherty [Epic tradition of the Evens: collection, local specifics, characteristic features]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021, no. 4, pp. 9–23. (In Russian)

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. In *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы* [World tree. Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2010, vol. 1, pp. 318–381. In Russian.

Varavina G. N. Kalendarnaya kul'tura evenov: mental'naya kartina i ritual'no-mifologicheskii praktikum (v ramkakh geoprostranstvennoy teorii) [Calendar culture of the Evens: mental picture and ritual-mythological practical training (within the framework of geospatial theory)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2019, no. 4 (29), pp. 22–35. (In Russian)

Varavina G. N. Mirovozzrencheskie i shamanskii traditsii v evenkiyskom fol'klore [Ideological and shamanic traditions in Evenki folklore]. In *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii: rechevye i muzykal'nye kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoy NPK, posvyashchennoy 80-letiyu doktora filologicheskikh nauk Alekseeva Ivana Egorovicha – Khomus Uybaan (Yakutsk, 23 aprelya 2021 g.)* [Languages and Culture of the Khomus of the Peoples of Eurasia: Speech and Musical Communications: Proceedings of the International Conference. Yakutsk, April 23, 2021]. Yakutsk, NEFU, 2021, pp. 423–438. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (18–20 v.)* [Evenks: historical and ethnographic essays (18th–20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1969, 303 p. (In Russian)

Yakovleva M. P. Traditsionnyy zachin v skazaniyakh evenkov i epose kalmykov [Traditional introduction in Evenk tales and Kalmyk epics]. In *Materialy Mezhdunarodnoy NPK "Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya i altaistiki," posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya profes-sora V. I. Rassadina (g. Elista, 10–13 noyabrya 2014 g.)* [Materials of the International Scientific Research Conference "Actual problems of modern Mongolian studies and Altaic studies," dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor V. I. Rassadin (Elista, November 10–13, 2014)]. Elista, KSU, 2014, pp. 513–516. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.02.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Марианна Тимофеевна Сатанар – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Senior Researcher, Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation)

institut-olonkho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>